

## Россия и ЕС: взаимоотношения в газовой сфере

*Татьяна Митрова, директор Центра изучения мировых энергетических рынков ИНЭИ РАН*

Политизация и обострение взаимоотношений между Россией и ЕС в энергетической сфере в последние годы крайне негативно сказывается на их дальнейшем развитии: взаимное недоверие и ожидание недружественных действий заставляют обе стороны действовать наименее оптимальным с экономической точки зрения образом. Главное – уничтожается взаимное доверие, которое для долгосрочных и капиталоемких энергетических проектов является критически важным условием.

Почему это происходит? Как получилось, что в течение 30 лет, с 1968 года – в период наиболее жестких отношений между СССР и западным миром, радикального различия в социально-политическом устройстве, в период холодной войны - поставки российского газа в Европу представлялись весьма выгодными и надежными для обеих сторон, а сейчас все чаще звучат разговоры об угрозах энергобезопасности и необходимости искать альтернативных поставщиков? Что изменилось с тех пор, и насколько объективны эти изменения?

Безусловно, в той «старой» системе были определенные преимущества: исполнение договоров гарантировалось на уровне межправительственных соглашений, регулирующая среда в Европе была стабильна и предсказуема на многие годы вперед, поставки осуществлялись исключительно на базе столь привлекательных для производителей долгосрочных контрактов, проблемы транзитных стран в принципе не существовало...

1990-ые годы стали переходным периодом не только для российской экономики, но и для Европы. Принятие Газовой Директивы, курс на либерализацию и формирование спотовых рынков, конечно, сделали институциональную среду газовой отрасли более сложной и изменчивой. Но, пожалуй, самой сложной проблемой стало формирование самостоятельных транзитных государств, проводящих собственную энергетическую политику, чьи интересы не совпадают ни с интересами производителя – России, ни с интересами потребителей – европейских стран. Текущий кризис на Украине наиболее наглядно демонстрирует, что за последнее десятилетие так и не было найдено действенного механизма, позволяющего урегулировать данную проблему. Более того, абсолютно логичный и неизбежный переход к рыночным ценам на поставляемый Россией газ для этих стран еще более усложняет ситуацию, толкая их к энергетическому шантажу и провоцируя многочисленные транзитные конфликты.

Фактически, последнее десятилетие мы находимся в переходном периоде – старая система взаимоотношений в газовой сфере разрушена и уже не работает, а новая еще не сформировалась. Как любой переходный этап, эта стадия воспринимается болезненно всеми участниками. При этом быстрые изменения «правил игры» происходят во всех трех звеньях цепочки поставок газа - у производителя (Россия, как страна с переходной экономикой, просто обречена на быстрые изменения институциональной среды, особенно в газовой отрасли, которая дольше всех оставалась регулируемой), у транзитеров (это все также страны с переходной экономикой и, как показывает пример Украины, довольно неустойчивой системой управления, что делает их чрезвычайно чувствительными ко всем изменениям внешней ситуации – как экономической, так и политической) и у потребителя (как упоминалось выше, на европейских газовых рынках также происходят масштабные изменения). Однако, без слаженной работы всех этих трех участников нормальное функционирование системы поставок невозможно.

Ситуацию еще больше усложняет развитие «порочного круга», который порождается тревогами производителей и потребителей газа по поводу "надежности спроса" и "надежности поставок". Потребители, не вполне уверенные в надежности поставок в будущем от данного поставщика, начинают искать альтернативные источники газа, в ответ производители, не имеющие точных сведений о востребованности своих энергоресурсов в будущем, не торопятся с капиталовложениями и также ищут новые рынки. Это, в свою очередь, обостряет беспокойство потребителей и побуждает их еще активнее искать других поставщиков. Данная ситуация напоминает гонку вооружений: каждая попытка одной

стороны обеспечить свою безопасность толкает другую на наращивание арсенала, и так далее и тому подобное. В сфере энергетики это означает инвестирование во все менее эффективные проекты ради достижения пресловутой "независимости". Конечно, можно утешаться тем, что создание избыточных мощностей станет гарантией энергетической безопасности в отдаленном будущем. Но какой ценой? Ценой уничтожения самого ценного актива в энергетическом бизнесе: взаимного доверия.

Экономические последствия подобной тактики весьма тяжелы и для России, и для Европы. Старый экономический закон эффективности международного разделения труда никто не отменял. Россия по-прежнему остается экономически наиболее естественным поставщиком газа для стран Европы: именно здесь сосредоточены самые близкие, крупные и при этом заметно более дешевые, чем в Европе, ресурсы газа. Отказываясь от выгод разделения труда, обе стороны теряют конкурентные преимущества.

Сейчас инвестиционные проекты тормозятся, поставки заметно ниже, чем прогнозировалось еще несколько лет назад. При этом Европа вынуждена платить более высокую цену за газ, поставляемый из других источников. Более того, газ теряет свои конкурентные преимущества по сравнению с углем и атомной энергией, даже невзирая на свои прекрасные экологические характеристики.

При этом важно помнить, что просто физически не существует возможности полностью заменить поставки российского газа другими источниками. Географическая диверсификация стран-поставщиков газа и диверсификация топливной корзины европейской энергетики даже с учетом энергосбережения могут в перспективе покрыть только дополнительный прирост спроса на газ, в то время как нынешние объемы поставок реально заменить нечем. Но важно помнить, что не только Европа зависит от российского газа, но и российская экономика также в очень значительной мере зависит от средств, поступающих от экспорта углеводородов: они составляют 25% ВВП страны, 2/3 доходов от экспорта и обеспечивают 1/3 всех поступлений в бюджет. Продажи газа в Европу так же нужны России, как российские газ и нефть – Европе. Мы исключительно взаимозависимы. Фактически, у обоих партнеров нет никаких серьезных альтернатив – только искать новый баланс интересов и вместе определять новые правила игры.

В настоящий момент основные конфликтные точки нам представляются следующими: Европа хочет, чтобы Россия увеличила капиталовложения и кардинально расширила участие западных компаний в добыче энергоносителей. Европейская энергетическая политика призывает активно искать альтернативные источники газа, а также активнее использовать сжиженный природный газ. Между тем очевидно, что альтернативные России поставщики – Иран, Центральная Азия, Северная Африка, Нигерия и т.п. – это страны с весьма рискованной политической обстановкой и нестабильными экономическими системами. То же самое можно сказать и о многих государствах, через которые Европе придется прокладывать новые транзитные маршруты. Вдобавок, отдаленность новых поставщиков от Европы потребует колоссальных капиталовложений в новую инфраструктуру. Тем не менее, эти идеи порождают в России значительное беспокойство, равно как и постоянные требования ратифицировать Энергетическую хартию, неопределенность позиции Еврокомиссии по вопросу долгосрочных контрактов, заявления представителей ЕС, что некоторые экспортные газопроводы Газпрома подпадают под доктрину "разделения активов", и многочисленные препятствия участию Газпрома в розничной продаже газа.

Симметричный ответ со стороны России – категорический отказ от Энергетической хартии, ограничение зарубежного участия в добыче газа и монополия Газпрома на транспортировку и экспорт, расширение сотрудничества с другими газодобывающими странами – от традиционных центральноазиатских партнеров до Ирана, Алжира и Венесуэлы, заявления о диверсификации рынков (речь идет о Северо-Восточной Азии и поставках СПГ) – что в свою очередь, изрядно нервирует европейских потребителей.

Как ни парадоксально, негативную реакцию встречают и попытки российских компаний стать участниками европейского рынка. Поразительно, что критики этой тенденции не понимают: добывающая компания, вкладывающая крупные средства в приобретение распределительных структур, сделает все возможное, для обеспечения надежных поставок. Кроме того, эти активы являются лучшей гарантией корректного поведения: нарушения дисциплины поставок могут повлечь за собой крупные штрафы.

Стоит отметить и другое: сколько бы ни говорилось о диверсификации, речь идет лишь о дополнительных поставках. Базовые объемы газа оговорены в контрактах, заключенных на 20-25 лет. Именно долгосрочные контракты обеспечивают стабилизацию и позволяют партнерам преодолеть периоды взаимного недоверия.

Так, европейские эксперты часто сомневаются в способности России увеличить поставки. Но тут важно подчеркнуть: Россия и не претендует в полной мере удовлетворить весь спрос на газ со стороны Европы. Одновременно ЕС не говорит четко, какой именно объем российского газа хотел бы получить в определенные сроки. Прогнозы расходятся на 130 млрд. куб. м – неопределенность чрезвычайно высока. А для производителя это означает ввод в строй несколько новых крупных месторождений. Будущие объемы поставок можно конкретизировать только заключением долгосрочных контрактов. Поэтому бессмысленно сомневаться в способности России поставлять газ в объемах, о которых еще не шла речь на переговорах, или ожидать, что Россия пойдет на крупные капиталовложения, не имея на руках долгосрочных контрактов. А если такие контракты будут заключены, то беспокоиться об их исполнении придется уже российской стороне – в конце концов, санкции за нарушение контрактных обязательств очень высоки. Таким образом, механизм долгосрочных контрактов, сформированный рынком за много лет, следует рассматривать не как "изъяны рынка", а как ключевой компонент взаимной энергетической безопасности.

При всей взаимной подозрительности сторон стоит отметить, что в действительности ни один из этих конфликтных пунктов не в силах разрушить уже сформировавшийся симбиоз России и Европы. Только за прошлый год многие европейские компании заключили с Газпромом новые долгосрочные контракты – бизнес голосует «за» развитие взаимоотношений с Россией. Главная же, на мой взгляд, проблема, которую России и Европе предстоит решать вместе (и решать быстро!) – это урегулирование взаимоотношений с транзитными странами, в первую очередь – с Украиной. Долгое время Европа устранилась от вмешательства в эту проблему, давая понять, что это зона ответственности России. Однако Украина – независимое государство и, как показывает практика, Россия не может в одиночку убедить украинское руководство в необходимости соблюдения базовых контрактных обязательств и обеспечения бесперебойности поставок. Только совместными усилиями можно разрешить эту весьма сложную ситуацию.